В «Рассуждении о качествах стихотворца» есть место, которое производит впечатление ответа на только что процитированные стихи Елагина:

«Удивительные иногда качества на себя приемлет, ежели смею сказать, таковой мнимый Автор. Он старается в людях себя казать неумытым лицем и нечесанною головою, дая чрез то знать, что всегда дома сидит над горшком чернил и стопою бумаги. Кому де меня зазреть? Сие оставляю, говорит, людям досужным, а нам сидя с мертвыми друзьями неколи о том помышлять».[1]

Помимо указанных мест, в «рассуждении» рассыпано не мало намеков, иногда более, иногда менее понятных.

Переходя к положительной части «рассуждения», должно отметить, что автор его требует от лиц, занимающихся литературой, серьезных, основательных сведений во «всех словесных и всех свободных науках» (стр. 382); он подчеркивает, что «знание грамматики и церьковных славенских книг чтение весьма потребны к доброму слогу и правописанию» (стр. 383). Далее подробно исчисляются науки и языки, изучение которых, по мнению автора «рассуждения», является предварительным условием выработки настоящего писателя. «Правила одни стихотворческой науки не делают стихотворца, но мысль его рождается как от глубокой эрудиции, так и от присовокупленного к ней высокого духа и огня природного стихотворческого» (стр. 398). Требуя от стихотворца, чтобы тот писал «учительные (дидактические) поэмы» (стр. 390), «что-либо учительное» (стр. 397), автор кончает свое «рассуждение» цитатой из Цицерона: «В безделицах я стихотворца не вижу, в обществе гражданина видеть его хочу, перстом измеряющего людские пороки» (стр. 398).

Таким образом, в анонимном рассуждении легкой дворянской поэзии была противопоставлена серьезная программа литературы как гражданского служения. Естественно, что дворянский лагерь не мог остаться спокоен. В июльской книжке «Ежемесячных сочинений» было напечатано — также анонимное — «Рассуждение о начале стихотворства». Автор проводит мысль, что красноречие самое важное из всех средств, «которое действовать может в сердцах человеческих более, нежели какое-либо иное действие». (Ежем. соч., июль, стр. 4). Красноречивые люди, по мнению автора, «своим языком и речью или тиранов умяг-

[1] Ежемесячные сочинения, 1755, ч. I, стр. 392.